

Е.С. Никитина

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

**ТЕКСТ КАК МЕХАНИЗМ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛОВ В
КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА
TEXT AS THE MECHANISM OF CONVEY MEANINGS
IN SOCIAL COMMUNICATIVE SPACE**

Ключевые слова: текст, смысл, понимание, коммуникативное пространство, технологии интерпретаций

Keywords: text, sense, comprehension, communicative space, technology interpretations

«...мы можем описывать мир сколь угодно долго, но наше описание всегда будет неполным, избирательным и, к тому же, в него всегда будет включена лишь небольшая часть того множества фактов, которое в принципе может быть описано. Это свидетельствует не только о том, что невозможно избежать избирательной, или селективной, точки зрения, но и о том, что совершенно нежелательно пытаться это делать. Если бы мы попытались так поступить, мы получили бы не более «объективное» описание, а просто массу совершенно несвязанных между собой утверждений. Поэтому некоторая исходная точка зрения совершенно необходима, а наивные попытки обойтись без нее могут только привести к самообману и к некритическому использованию какой-то неосознанной точки зрения».

Карл Поппер

Текст как объект анализа. Текст необходимо отличать от высказывания, произведения, дискурса. Текст есть порождение письменности. И это принципиально. Можно привести определение текста, данное И.Р. Гальперином, в котором утверждается, что «текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин, 2006: 15). Только в письменном варианте расчлененность текста, эксплицитно выраженная графически, выявляется как результат сознательной обработки языкового выражения. Поэтому текст не линеен и лишен спонтанности. Существенным признаком его является смысловая завершенность. Закованная в знаки реальность — текст — был конституирован в качестве объекта изучения в результате предельно жесткого отбора релевантных признаков. «Этот путь внутреннего развития дисциплины был отмечен двумя решающими рубежами: изобретением письма и изобретением книгопечатания. Как известно, критика текста родилась после первого из двух вышеназванных событий (когда возникло

решение записать гомеровские поэмы) и упрочилась после второго (когда первые и зачастую торопливо-небрежные издания классиков надлежало заменить более надежными изданиями). Сначала были отброшены, как нерелевантные для текста, все элементы, связанные с произнесением и жестикуляцией; затем — также и все элементы, связанные с материальностью письма. Результатом этой двухэтапной операции стала нарастающая дематериализация текста, постепенно очищенного от любых чувственных опор: хотя связь с чувственно воспринимаемой субстанцией и необходима для продолжения жизни текста, текст ни в коей мере не отождествляется со своей опорой. Все это сегодня нам кажется само собой разумеющимся, хотя на самом деле отнюдь не является таковым. Достаточно вспомнить о решающей функции интонирования в устной словесности или о месте каллиграфии в китайской поэзии, чтобы осознать, насколько зависит вышеуказанное понятие текста от совершенно специфического культурного выбора, имевшего неисчислимы последствия. <...> Это глубоко абстрактное понятие текста объясняет нам, почему критика текста, в значительной степени сохраняя дивинационный характер, все же обнаружила в себе способность к развитию в направлении строгой научности: эта потенция окончательно созрела на протяжении XIX века (Гинзбург, 2004: 203-204).

Для филолога текст представляет собой «невидимую глубинную сущность», которая реконструируется при отвлечении от чувственно воспринимаемых данных. «Текст – поле методологических операций» (Барт, 1989: 415), особая разновидность речетворчества, имеющая свои параметры, отличные от параметров устной речи. В отличие от высказывания текст входит в социокультурное коммуникативное пространство. Он живет в социальном времени и культурном пространстве, прорастая их смыслами. Так, при рассмотрении понятия текста в аспекте семиотики культуры, было обнаружено, что, для того чтобы какое-либо сообщение могло быть определено как «текст», оно должно быть как минимум дважды закодировано. Во-первых, как сообщение и, во-вторых, как метасообщение, как отнесенное к жанровому единству, осознанное представление о чем-либо в качестве коммуникативного сообщения. Лотман, например, пишет, «что сообщение, определяемое как «закон», отличается от описания некоего криминального случая тем, что одновременно принадлежит и естественному, и юридическому языку, составляя в первом случае цепочку знаков с разными значениями, а во втором – некоторый сложный знак с единым значением. То же самое можно сказать и о текстах типа «молитва» и т.п.» (Лотман, 2002: 158 -159).

Смысл как функциональное образование, кристаллизовавшееся в текст. Если текст как минимум дважды закодированное образование, то смысл есть как минимум трижды закодированная сущность. Согласно одному из определений философского словаря, «СМЫСЛ — внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности. Определяя место феномена в некоторой целостности, смысл превращает его осуществление в необходимость,

соответствующую онтологическому порядку вещей. Бессмысленный набор знаков может случайно возникнуть, но он не остается как факт культуры. Существование такого набора эфемерно. Осмысленный текст хранится и воспроизводится в культуре и стимулирует порождение новых текстов, комментирующих, развивающих и даже опровергающих исходный» (Шрейдер, 2001).

В повседневной речи и в философии понятие смысла используется в разных значениях. Говорят о смысле жизни, смысле поступка, о здоровом смысле, смысле слова и художественного произведения и т.п. Очевидно, что во всех этих выражениях слово «смысл» употребляется для обозначения весьма разных понятий.

Смысловая сфера сознания – образование позднее и не единственное в качестве регулятивной системы в человеческой жизнедеятельности. Человек, находящийся в состоянии выбора, имеет не один способ организации своего поведения (Леонтьев Д., 2003). Так, традиционная, устная культура, ориентированная на будущее, огромное значение придавала предсказаниям, гаданиям, пророчествам. Принесение жертвы, в качестве футурологического эксперимента, всегда было связано с обращением к божеству в осуществлении выбора. Приметы же и предсказания, прогнозируя будущее, связывали функцию выбора с коллективным опытом. Но «коллективное понимание», когда имеется однозначно сформулированный алгоритм действия (привычная схема) не требует осмысления своего содержания. Человеку достаточно *узнавать* определенный социальный контекст, чтобы начать вести себя в нем соответствующим образом.

Однако сам факт разделения труда, появления действий внутри человеческой деятельности «ведет к возникновению общественной по своей природе «единицы» человеческой психики – разумного смысла для человека того, на что направлена его активность» (Леонтьев, 1972: 274). **Смысловые отношения возникают как отношения «целевые», в противоположность предметным отношениям.**

Только в коллективном труде связь предмета действия – его цели и того, что побуждает деятельность – ее мотив, впервые открываются субъекту. Сначала она открывается ему в непосредственно чувственной своей форме – в форме деятельности человеческого трудового коллектива. По мере усложнения жизнедеятельности общества эту связь необходимо восстанавливать через процедуры понимания. Однако самый важный, решающий шаг оказывается уже сделанным. Деятельность людей отделяется в их сознании от предметов. Она начинает сознаваться ими именно как их отношение. А предмет может выделяться среди прочих предметов действительности не только практически, как предмет потребности, но и «теоретически», как возможность потребности, т.е. может быть удержан в сознании, может стать «идеей». Через Смысл отдельное действие восполняется до целостного образования – деятельности. Осмысление есть акт овладения теми началами в предметах и явлениях культуры, которые не даны нам в ощущениях. Передача же смыслов во времени (например, в

обучении) требовала специальной формы фиксации накапливаемых в культуре смыслов. И таким средством выступил текст.

Здесь нужно вспомнить, что у человека имеются три основных способа кодировки опыта, репрезентации впечатлений: действие, образ и язык. И ни один из них не может полностью удовлетворить потребности человека: мы должны овладеть манипулятивными навыками, зрительными конфигурациями, социальными обычаями, наукой, историей и т. п. Эти три способа употребляются и независимо друг от друга, и во взаимодействии. Кроме того, должны существовать и какие-то не выраженные явно формы мысли, предшествующие порождению действий, образов и высказываний – схемы ориентировочных действий, смысловые сгустки предшествующих взаимодействий.

Все эти способы репрезентации опыта участвуют в формировании текста. Текст на естественном языке, поэтому, представляет собой текст на нескольких языках, на совокупности языков со сложной системой отношений между ними.

Все эти три способа репрезентации опыта фиксируются в знаках. Один из основателей семиотики Чарльз Пирс выделял три типа знаков, которые соотносятся с указанными способами репрезентаций опыта. Вторая из трихотомий Пирса определяет знак в отношении к его объекту и является «наиболее существенным делением знаков» (СР 2.275). Три класса этой трихотомии - иконический знак (первичность), индекс (вторичность) и символ (третичность). <...> Иконический знак - это знак, «который указывает на обозначаемый объект исключительно в силу присущих ему (знаку) свойств» (СР 2.247). Индекс - знак, зависимый от своего объекта в силу отношений пространственно-временной связи или причинности. Символ связывает знак с объектом в силу «закона или регулярности» (СР 2.293) (Нёт, 2001).

А поскольку естественный язык есть единственная система, в которой означивание протекает в двух разных измерениях: и как знаковое и как речевое, то естественный язык может моделировать все виды репрезентации опыта. В этой рефлексивной способности языка лежит и источник его интерпретационных возможностей, благодаря которым язык включает в себя другие знаковые системы. В тексте же это может отражаться на одном из трех возможных вариантов смысловой фокусировки: в описании (создании образа через символический язык), в рассказе (развертывании действия через символический язык), в аргументации (выстраивании доказательной базы через соотнесение образного и символического языков). Здесь можно вспомнить три основных, определяющих расположения содержания (смысловую структуру) в риторике: описание, повествование, рассуждение.

Проблема, однако, в другом. Смысл не появляется в результате сложения знаков, но как раз наоборот, смысл (цель текста) реализуется как целое и не разделяется на отдельные «знаки», какими являются, например, слова, фразы в естественном языке. В отличие от содержания текста, смысл – ценностно-смысловое отношение в содержании – дан сразу нацело. Притом

необходимо еще помнить, что смысл относится к континуальным образованиям (как и любая цель он не дискретен). Содержание и смысл есть как бы две составляющие текста-знака, сосуществующие одновременно. В прочтении текста потому происходит раздвоение мыслительного действия на мышление и понимание.

Понимание. Прежде всего, следует отметить, что понимание, как процесс, подобно вниманию в психологии, долгое время рассматривалось как не имеющее собственного содержания. Однако уже античная традиция связывала понимание с текстом или такими знаковыми организованностями, которые могут быть превращены в текст. До распространения письменности понимание выступало спутником, и притом факультативным, «содержательных» (имеющих свой результат) психических процессов, таких как мышление, восприятие, воспоминание, чувство. Но даже в мышление, если последнее строилось по заданному алгоритму, понимание могло и отсутствовать. С появлением письменных текстов понимание встало в один ряд с иными «умственными действиями», так как превратилось в самостоятельный процесс со своим продуктом. Чтение делает понимание особым видом умственного действия, с особыми операциями и результатом; прочтение текста предполагает понимание: извлечение смысла, а не только пересказ содержания. В чтении происходит диалог читателя с текстовым субъектом, и последний не всегда является автором. Текст расслаивает привычный мир на точки зрения, на способы видения, на готовность воспринять другого. Повторим еще раз важную для нас мысль. Смыслы – сущностная характеристика текста. Накапливаясь в культуре, смыслы должны были фиксироваться, сохраняться. Таким средством выступил текст. Тексты – накопители смыслов. Процедуры же извлечения смыслов из текста составляют процесс понимания. В своей совокупности эти процедуры формируют метод, метод текстового анализа смыслов – понимание.

Книжная культура изменила не только человеческую память, но саму парадигму коммуникационных взаимодействий. Понимание появилась одновременно с письменностью в результате открытия «точки зрения» как единого и однородного пространства в диалогическом взаимодействии. *«Книгопечатание как горячее средство коммуникации позволило людям впервые увидеть язык, на котором говорят, и тем самым визуализировать свое национальное единство посредством единства языкового: «Мы – те, кто говорим на языке Шекспира, - должны стать свободными или умереть». И далее: «Книгопечатание – высшая фаза алфавитной культуры, которая ведет к отлучению индивида от родового и коллективного мировосприятия. Печатный текст максимально усиливает визуальные черты алфавита и таким образом доводит индивидуализирующее воздействие фонетического алфавита до такой степени, которая была недоступна рукописной культуре. Книгопечатание – это технология индивидуализма»* (Мак-Люэн, 2005: 207, 235). Печатный текст благодаря свойству точной воспроизводимости обладает безусловной, почти божественной властью, создающей впечатление независимости книги от

человека. Книга, письменный текст оформляют субъекта в сфере культурного общения. Последний уже не растворяется в собственном деянии, в сфере повседневности, но постепенно превращается в его автора. Посредством текста индивид вписывается во время, тем самым, подчиняя его себе. И... становится личностью. По выражению Леонардо да Винчи «человек есть модель мира, и он отправляется открывать себя» (Ле Гофф, 1992: 332).

Согласно диалогической традиции и верному ее продолжателю М.М. Бахтину, лишь «человек в искусстве – цельный человек. <...> Душа как становящееся *во времени* внутреннее целое, *данное, наличное* целое, строится в эстетических категориях; это дух, как он выглядит *извне*, в другом» (Бахтин, 1979: 88-89). Эстетическая объективация нуждается в точке опоры вне себя, в некоторой действительной реальной силе, изнутри которой можно видеть себя как другого. Однако изнутри целостность не схватывается. Она может только конструироваться в виде текста (знака), отображающего предметную целостность. Понимание – это всегда переход от части к целому, переход от непонимания к пониманию, это «конструирование» целого, которого еще нет или уже нет (в результате нашего непонимания). Смысл есть результат понимания, но его нет в начале процесса. Он всего лишь дар за прорыв в новое видение ситуации. Это всегда включение своего понимания вовнутрь текста: «Вот оно, оказывается, что такое!». Это всегда диалогическое расширение текстовых границ. Текст есть драма, в которой участвуют три персонажа: автор, герой и читатель (понимающий). Изнутри себя самого субъект рассеян и разбросан, собрать его и его жизнь, восполнить до целого теми моментами, которые ему самому в себе недоступны может только другой, пребывающий в отношении пространственной, временной, ценностной и смысловой вненаходимости. Смысл жизни содержится не в жизни, а в тексте про жизнь. Только другой, со своей позиции (одной из пяти) может «собрать» целостного субъекта, а живое «сознание никогда не скажет самому себе завершающего слова» (Бахтин, 1979: 17). Поэтому, между прочим, «нельзя понимать понимание как вчувствование и становление себя на чужое место (потеря своего места). Это требуется только для периферийных моментов понимания» (Там же: 346). Это не предметное понимание, не типологическое, но, безусловно, коммуникативное, духовное, с разделением функций между общающимися. И не только по принципу: говорящий – слушающий, но по диалогическому принципу: целое видится на расстоянии, в перспективе времени.

Через текст субъект получает объективный статус своего бытия. Поэтому всякое понимание чревато непониманием, непониманием смысла, отличающегося от привычного для субъекта способа восприятия. Это внутренняя активность субъекта, соотносящего свою «картину» ситуации с «чужими» картинками и пытающегося примирить разные способы видения. Можно даже утверждать, что эта конструирующая позиция, учитывающая свою субъективность, и потому вбирающая чужие смыслы для большей объективности своего – для утверждения своей «истинности».

Отношения личности с миром и, соответственно, механизмы регуляции поведения строятся теперь на смысловых или диалогических отношениях. Ориентируясь на смысл, человек поднимается над ситуацией. Сам феномен понимания обусловлен двойной ролью любого знания. С одной стороны, оно предполагает собой фиксацию определенного опыта, с другой – это есть результат реализации определенных целей, задач и установок опыта, которому служат знания. С этой второй стороны знание служит как бы оценочным фильтром для всякого последующего познания. Поэтому понимание не сводимо к описанию, объяснению, систематизации и другим функциям знания, оно неотделимо от оценочной деятельности сознания. Понимание есть процесс осмысления действительности сквозь призму определенных нормативно-ценностных систем общественной практики. А поскольку «личностный» социальный мир является миром множества реальностей, то разные индивиды сосредотачивают внимание на различных аспектах социальных ситуаций и поэтому различным образом «прочитывают» (объясняют) на первый взгляд одну и ту же ситуацию. И только в диалоге, в межсубъектных отношениях, в перспективе культурного времени личность получает свои характеристики: целостность, ответственность, неисчерпаемость, незавершенность, открытость и превращается в текст, целостное смысловое образование.

Внутреннее пространство текста. Знаковая основа текста порождает механизм двойного означивания, что позволяет сознанию сохранять дистанцию между собственным содержанием и той действительностью, к которой это содержание относится. Ведь все что человек узнает, он узнает как содержимое сознания, а потому как нечто не в сознании, но вне сознания существующее. Механика этого феномена лежит в самом знаке. В онтологическом плане или, в терминах В.П. Зинченко, в «бытийном» своем слое, сознание есть совокупность текстов, построенных в разных познавательных контурах. В каждый момент психического настоящего в активно работающих контурах может строиться не более одного текста. Вместе с тем сознание способно работать одновременно с некоторым набором текстов. Тексты состоят из смыслов, но сознание в актах понимания стремится обнаружить смысл всего текста. Установить смысл можно только через понимание, поэтому тексты сознания формируются актами их понимания. То есть ситуация выглядит не так, что существует некий текст, а к нему приложимы операции понимания - нет. Понимание этот текст конструирует. Процесс понимания и является по существу процессом смыслообразования, или, иначе, понимание как функция сознания есть смыслопорождающий акт. В самом сознании существует постоянно действующий механизм, замыкающий сознание на самом себе. И этот механизм встроен в структуру познавательного акта. Любой акт сознания без такого механизма распадается, и, таким образом, «декристаллизуется» сам текст, с которым сознание работает. Без рефлексии, позволяющей сознанию возвращать понимание самому себе, сознание не понимает, что оно понимает. Психосемиотическим механизмом такой процедуры выступает акт

одновременного осуществления говорения и слушания себя, акт, позволяющий все время держать дистанцию между сказанным и услышанным, существующим и понятым. По другому, текст, понимаемый как культурный макрокосм, имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности. Движение происходит от одного смысла к другому смыслу через акты понимания или взаимопонимания. Если нечто осознано в качестве необходимости понимания, это не может не направлять ход сознательной жизни. Здесь не мотив неприкаянного субъекта лежит в основании акта текстопорождения, но сам себя интерпретирующий смысл. Интегратор текста – смысл замыкает на себе три пространства: поведенческое, мыслительное, речевое. В этих же пространствах смысл может фокусироваться, избирая точку зрения сборки содержания текста.

Последствия. Понимание не сводится ни к узнаванию, ни к внутреннему восприятию, ни к мышлению, ни к толкованию, ни к интерпретации, ни к привычному видению чего-либо. Понимание – это процедура сознания по извлечению смысла. Смысл по отношению к содержанию есть метауровневое образование текста. Это уровень его понимания. Ведь с текстом можно совершать различные действия: его можно заучивать наизусть и подвергать расчленению в соответствии со стоящей задачей; из текста можно делать инструмент и с его помощью воздействовать на собеседников; текст можно интерпретировать, соотнося его с другими текстами. Но вначале всех этих текстовых превращений текст должен быть понят и только потом включен в коммуникативное взаимодействие с другими участниками общения. М. Бахтин утверждал, что понимающий неизбежно становится третьим в диалоге.

При том текст – всего лишь один из действующих персонажей коммуникации. Он живет в коммуникативном пространстве. Без адресата, адресанта, коммуникативного канала, коммуникативной ситуации текст не может существовать, у него нет точек опоры. Текст не просто зависит от своего окружения в коммуникации, он оформляется под его влиянием. Так, фокусировка на адресате формирует текст как воздействующее, инструментальное образование. Фокусировка на предмете – как объектное, отражательное или конструктивное образование. Фокусировка на адресанте характеризует текст в качестве порождающего устройства, произведения. Но еще текст может быть фокусирован сам на себе – и тогда он выступает в качестве единицы коммуникации – молекулярной целостности, или, субъекта коммуникативного взаимодействия.

В античной риторике в тексте были выделены три слоя. Слой предметный, слой логический и слой языковой. Каждый имел относительную самостоятельность, позволявшую ему быть предметом анализа в особом разделе риторического канона. Предметный слой анализировался в разделе инвенции, понятийный слой в разделе диспозиции и языковой слой в разделе элокуции. Все вместе они служили оформлению текста в функциональную смысловую структуру. Следует отметить, что в каждом разделе речь шла и о

разных пространствах: предметном, понятийном, речевом. Каждый раздел характеризовался своими способами работы с материалом, своей логикой описания. Движение от предметного пространства в сторону коммуникативного сообщало тексту риторическую или воздействующую функцию. Иные направления движений порождали такие функции текста как конденсацию информации (память), трансформацию сообщения и выработку нового содержания, актуализацию определенных сторон личности адресата, культурного контекста (Лотман, 2002: 154-161). Понимание выполняло функцию удержания целостности семиотических взаимоотношений внутри текстового пространства, иначе, смысловой наполненности текста. Изменения, в любых направлениях, вели к разрушению целостности коммуникативных взаимодействий. Поэтому, как считал Фома Аквинский, ни Сократ, ни Христос не оставили своего учения в письменной форме, поскольку то взаимодействие умов, которое происходит в процессе обучения, недостижимо на письме. «Когда слова написаны, они, разумеется, становятся частью визуального мира. Подобно большинству других элементов этого мира, слова приобретают характер статических сущностей и, как таковые, утрачивают динамизм, свойственный звуковому миру вообще и произнесенному слову в частности. <...> Таким образом, можно утверждать, что, становясь видимым, слова вступают в мир, относительно безразличный для смотрящего, - мир, лишенный магической «власти слова» (Маклюэн, 2005: 51).

Распространение письма в обществе вело к переходу от представления о слове как звучащей, живой, активной, природной силе к представлению о нем как о «значении» и «смысле», которые должны пониматься. В области сознания это означало, что связанное со словом мышление отделимо от действия, не переходит в него прямо и может оставаться внутри человека. В качестве социокультурных последствий такого предположения появляется возможность, по крайней мере, в теории, игнорировать мышление – отделять содержание от смысла.

«Идея самостоятельного смысла текста принадлежит Августину (*De Doctrina Christiana*): любое толкование определенной части текста может быть принято, если оно подтверждено и должно быть отклонено, если оно бросает вызов другой части того же текста. В этом смысле внутренние текстовые согласованности контролируют все иные интерпретации читателей» (Эко, 1990: 181). Вычленив эти согласованности – задача понимающего.

Важно, что смыслы не расчленяются на отдельные элементы и их нельзя собрать из «кусочков» или элементов языкового анализа текста как содержание. Смыслы извлекаются через особые процедуры смыслового анализа текста или акты понимания, надстраивающиеся над процессом содержательного анализа текста.

Процедурой, запускающей понимание, выступает вопрошание: что можно не понимать в тексте? Для этого следует обратиться к его структурным составляющим: образу, понятию, языку. Их триединство

означает, что с какой бы стороны мы не подошли к тексту, мы непременно выйдем на его содержание. Но всегда ли это содержание будет равно самому себе? Лингвисты прорывались к содержанию через язык, логики – через понятия, психологи – через образы. Однако понимающий занимает особую позицию между специалистами. Он проникает внутрь текста, производя перефокусировку смысла из своей «понимающей» позиции. Ведь проблема понимания возникает только тогда, когда понимание становится проблематичным, то есть тогда, когда понимания нет. Текстовая традиция, в которой укоренен познающий субъект, составляет одновременно и предмет понимания, и его основу: человек должен понять то, внутри чего он с самого начала находится. В отличие от лингвистов, филологов, логиков или психологов у понимающего есть проблемы непонимания. Три базовые составляющие текста, без которых он распадается в качестве целостного смыслового образования, могут быть не понятными и каждый в отдельности. Понятность же есть субъективное выражение обратимости и вместе с тем инвариантности перевода. Это диалогическое сосуществование в тексте нескольких языков отображения означенной реальности – действительности человеческой деятельности.

Смысловая модель текста позволяет направлять непонимающего по пути, ведущему в сферу смысловой фокусировки текста. Всё зависит от интереса или от установки понимающего. Если его занимает предмет, то понимающий находится в сфере изобразительных, описывающих данный предмет текстов – знаний об образе мира. Если «логика» - то в сфере сюжетов, как логических, так и повествовательных. Банк их данных постепенно расширяется. Если язык – то в сфере элокуции, в сфере фигуративных практик паралогики. Но только в случае, когда интерес сосредоточен на самом тексте: «Творца мы видим только в его творении, но никак не вне его» (Бахтин, 1979: 363), понимающий должен находиться внутри текста. Только внутренняя позиция позволяет вступать в диалог с другими текстами, вести с ними беседу.

Понимание оформляется как метод сознательной сборки технически оторванных друг от друга способов восприятия действительности. Смысл возвращает отдельные структуры в лоно целостности. «Соединив бессмысленный символ с бессмысленным звуком, мы образовали значение и создали образ западного человека» (Маклюэн, 2005: 104). Понимание становится таким способом сознательного бытия субъекта, который, осуществляя деятельность, обязан понимать свои цели и задачи.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Примеч. С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М: КомКнига, 2006. - 144 с.

4. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Мифология и история. Сборник статей / Пер. с ит. – М.: Новое издательство, 2004. – 348 с.
5. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр./ Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича.– М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.– 376 с.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М.: МГУ, 1972. - 576 с.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
8. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Ю.М. Лотман История и типология русской культуры. - СПб, «Искусство-СПБ», 2002. - 768 с.
9. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / Перевод И.О.Тюриной. – М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
10. Нёт Винфрид. Чарлз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. - Вып.3/4, 2001. - С. 5 - 32 // Справочник по семиотике. Noth W. Handbuch der Semiotik. 2., vollstandig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000. S. 59 - 70. – Режим доступа: <http://phy.narod.ru/pirs.htm>, 10.2015
11. Шрейдер Ю. Смысл // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль, 2001.
12. Umberto E. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. – The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Clare Hall, Cambridge University March 7 and 8, 1990. – P. 141 – 202.

(0,7 п.л.)